

Руслан Хаиткулов, Даниил Шестаков

Пособие на несуществование

Андре Горц. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал.

М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики,

2010. – 208 с.

22 сентября 2007 года Андре Горц вместе со своей женой совершили самоубийство: у нее диагностировали неизлечимую болезнь, и никто из них не хотел пережить другого. Эта романтическая история как нельзя лучше выражает ту теоретическую позицию, которую Горц занимал на протяжении всей жизни: ее можно обозначить одним словом – *верность*. Верность убеждениям своей юности, вера в гуманизм и социальное освобождение как конечную цель истории. И есть некоторая ирония в том, что после структурализма, альтюссерианского антигуманизма и постструктурализма Горц стал предтечей нового мощного интеллектуального движения – школы когнитивного капитализма. Отказавшись разрабатывать очередной этап коммунистической гипотезы с Бадью или погружаться в глубины социального бессознательного с Жижеком, когнитивисты возвращаются к молодому Марксу, к социальной реальности, потому что есть только люди и их отношения. Изменились люди, изменились и отношения. Но задачей критика по-прежнему остается исследование возможностей для освобождения. Исследования когнитивистов отличается междисциплинарный характер, внимание к экономическим вопросам (например, к организации наемного труда и роли прав собственности), которые они включают в более общий исторический и философский контекст. Работа Горца значительно проще: ее можно рассматривать как своего рода «Манифест коммунистической партии» когнитивистов – программный текст, чтение которого облегчает понимание и интерпретацию всего, что было сделано после. Похожие коннотации вызывает и подзаголовок книги: «К критике экономики знаний».

Структура данной рецензии повторяет структуру книги Горца: сначала мы обсудим вопросы, связанные с нематериальным трудом, затем постараемся раскрыть противоречия в понятии нематериального капитала, а в заключении обсудим то будущее, которое, по мнению Горца, нас ожидает – коммунизм знаний здесь выступает антагонистом кибернетической неолиберальной утопии.

Автономный и гетерономный труд

Андре Горц, как сторонник марксистского гуманизма, начинает с человека, а точнее – с труда. Традиционные марксистские термины, по его мнению, больше не подходят для описания современного труда. Происходит это потому, что любой труд теперь «содержит растущий компонент знаний» (с. 12). Это знание, однако, не является формальным знанием. Горц различает «науку» и «человеческий капитал» – живое опытное знание, интеллект, воображение. В современных условиях даже от самых низкоквалифицированных рабочих требуется воображение, инициативность, способность находить нестандартные решения и внедрять их в производственную практику.

Стоит заметить, что Горц не одинок в своем внимании к опытному знанию. Считается, что на растущую роль такого знания впервые указали экономист Фридрих фон Хайек и философ Майкл Полань. Неудивительно, что именно теоретики неолиберализма подметили растущую роль этого типа знания: они ближе к механике системы. Гораздо интереснее, что именно там, где Полань или Хайек видят очередной повод для восхваления рыночной системы (как способной наиболее полно использовать возможности «невяного», или «рассеянного», знания), Горц видит проблему.

Обратимся к диалектике автономии и гетерономии из другой работы Горца. Несколько упрощая, можно сказать, что гетерономия – это деятельность работника на его рабочем месте, а автономия – та деятельность, которой он занимается после работы. Например, работник занят утомительной и монотонной работой на стройке (гетерономия), но после работы занимается активизмом и изучает работы Маркса или трудовое законодательство (автономия). Как соотносятся эти две составляющие, между которыми поделено время рабочего? Автономия дает смысл его существованию, в ходе своей автономной деятельности рабочий восстанавливает свои силы, общается с другими, или, говоря в терминах экономической теории, создает *социальный капитал*. Этот капитал, однако, не является до конца подчиненным экономической логике: его нельзя купить или продать, он не может принадлежать индивиду (только группе людей).

В чем здесь проблема? Знания становятся все важнее, инициатива, навыки общения, доверие – все то, что составляло жизнь работника в автономной сфере, теперь востребовано сферой гетерономии. «Граница между частной жизнью и работой размывается» (с. 35). Вместе с этим размываются границы между работником и компанией: появляется *самопредприниматель*. Жизнь самопредпринимателя полностью подчинена экономической логике, в ней автономия и гетерономия сливаются воедино.

но. Таким образом, на уровне нематериального труда капитализм разрушает «интеллектуальную кооперацию и условия... ее существования»¹.

В стандартных моделях теории контрактов обычно предполагается, что предприятие берет на себя риски работника. В наше время, утверждает Горц, происходит прямо противоположный процесс: риски перекладываются на работников. Причем происходит это под знаменем автономии: теперь работа становится свободной интеллектуальной игрой, а значит, нет причин, по которым работника нужно от чего-то страховать. Он свободен, совершенно в Марксовом смысле. Но если работа становится игрой, то игра становится работой. С работником сыграли злую шутку: пообещав царство свободы на рабочем месте, рабочий день превратили в рабочие сутки. Только вместо живого труда вампир-капитал теперь высасывает живое знание.

В предлагаемом анализе нематериального труда мы видим следующие проблемы. Прежде всего, Горц совершенно некритично отменяет трудовую теорию стоимости: факт, что стоимость товаров не может определяться количеством содержащегося в них труда, кажется ему очевидным. Мы вернемся к этой теме при обсуждении нематериального капитала, пока же стоит заметить, что в реальной практике капитализма если и присутствует какая-то теория стоимости, то она, несомненно, является субъективной². Таким образом, следовало бы показать, как из реальной капиталистической практики оценивания товара в такую сумму, за которую его хотят купить, следуют те диспропорции, которые в конечном итоге должны привести к краху капитализма. Далее, есть серьезные основания полагать, что в силу устойчивых закономерностей, которым подчинено наше мышление, «безрисковое» общество в принципе недостижимо³: поэтому лучшее, что может быть сделано, – это распределение риска на как можно большее количество людей⁴. Но именно это и осуществляется в практике современного капитализма!

К несомненным достоинствам анализа Горца можно отнести то, что он показывает, как посредством конкурентного давления современный капитализм в виде фарса повторяет исторический процесс экспроприации.

¹ Лаццарато М. Предприятие и неомонадология. – Логос, 2007, № 4 (61), с. 196.

² Субъективная теория стоимости означает, что стоимость товара определяется той субъективной полезностью, которую этот товар приносит потребителю относительно независимо от ресурсов, затраченных на его производство.

³ Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: «Юнайтед Пресс», 2010.

⁴ Напомним, что именно проблема «too big to fail» являлась ключевой при принятии антикризисных программ в 2008–2009 годах.

ции: в начале XIX века механизмом принуждения «низших классов» к работе являлся голод, в начале XXI века таким механизмом (по крайней мере в развитых странах) является риск.

Из царства необходимости в царство свободы

Вторая часть книги посвящена экономическим основаниям когнитивного капитализма и их критике. Несмотря на малый объем главы о капитале (всего лишь сорок страниц), Горц успевает уделить внимание и созданию «искусственного дефицита» знания, и вопросам воспроизводства потребителя, и анализу механизма капиталистических кризисов. К сожалению, обратной стороной такой всеохватности является некоторая поверхностность и, как точно выразился Михаил Маяцкий, некоторая «простодушность».

Андре Горц признает, что знание (как живое, так и формализованное) играет все большую роль в качестве главной производительной силы, а «когнитивный капитализм представляет собой кризис капитализма» (с. 61). Соглашаясь с автором в диагнозе современного положения дел, мы, тем не менее, позволим себе подвергнуть сомнению предлагаемый анализ возможных последствий. Возникает впечатление, что периодически Горц выдает желаемое за действительное и, будучи убежден в конечном результате, не обращает внимания на отдельные неточности и спорные места. Вместе с тем именно новые экономические реалии открывают, по мнению автора, дорогу к возможному социальному освобождению, и именно поэтому на них стоит остановиться подробнее.

Горц обращает внимание на тот факт, что «предельные издержки программного обеспечения крайне невелики, оно может сэкономить намного больше работы, чем его собственная стоимость, причем в гигантских, еще недавно немыслимых масштабах», «в тенденции (меновая) стоимость продуктов падает» и, следовательно, «[р]ано или поздно это должно привести к падению (денежной) стоимости всего произведенного богатства, к сокращению объема прибыли и, возможно, к краху производства, основанного на меновой стоимости» (с. 53). Однако снижение меновой стоимости одного товара возможно только относительно другого товара, и, таким образом, рассуждаем ли мы в рамках марксистской или мейнстримной экономической теории, из этого вовсе не следуют какие-либо выводы на макроуровне, кроме разве что изменения соотношений цен. К тому же нетрудно заметить, что данное рассуждение по сути повторяет логику описанной марксистами тенденции понижения нормы прибыли, поскольку она также основана на применении трудосберегающих технологий, характер которых не определен. Однако в

том виде, в каком она изложена у Горца, эта логика примерно соответствует условиям теоремы, доказанной в 1961 году японским экономистом-марксистом Нобуо Окишио; из этой же теоремы следует, что в данных условиях тенденция к падению нормы прибыли наблюдаться не будет.

В качестве еще одной фундаментальной экономической причины того, почему когнитивный капитализм должен прийти к «коммунизму знаний», автор видит особые свойства информации, которая может быть превращена в товар лишь искусственным образом. Отвлекаясь от вопроса, может ли быть что-то товаром «естественным образом» (поскольку товар есть общественное отношение), отметим, что в условиях современных технологий знание действительно обладает рядом признаков, которые серьезно отличают его от обычных материальных товаров. Для того чтобы капитализировать знание, необходимо монополизировать доступ к нему, и в то же время взаимный обмен знаниями обогащает участников этого обмена. Но сам по себе тот факт, что существуют определенные институты, препятствующие свободному распространению знаний, не говорит нам ничего о том, что произойдет с обществом в случае их отмены, или же о том, какие именно институты должны прийти на смену прежним. Имеется обширный пласт литературы, посвященной проблемам интеллектуальной собственности, и большое количество эмпирических исследований. Их результаты как минимум неоднозначны, и существуют аргументы как в пользу того, что отмена такого рода монополий способствует технологическому и общественному прогрессу⁵, так и в пользу того, что такая реформа снижает стимулы к научным исследованиям⁶. Кроме того, история знала прецеденты капиталистических обществ, долгое время обходившихся без институтов патента.

Многие аргументы автора, поддерживающие основную линию анализа, также теряют свою убедительность, будучи извлечены из непрерывного потока текста. Так, Горц пишет о биржевом крахе дот-комов: «Лопнувший пузырь обнаружил, как трудно для капитализма превратить по самой своей сути не поддающуюся измерению и обмену стоимость “капитала” в денежную стоимость и заставить ее функционировать в качестве капитала» (с. 83). Должны ли мы полагать, что, например, биржевой крах 1929 года означает, что капитализм встретился с аналогичными проблемами в случае материального капитала? И пузыри на финансовом рынке, и периодические кризисы наблюдаются уже очень давно, но к кон-

⁵ См., например: Bessen J., Maskin E. Sequential Innovation, Patents, and Imitation. – In: RAND Journal of Economics, Winter 2009, Vol. 40, № 4, pp. 611–635.

⁶ См., например: Penin J. Patents versus ex-post rewards: A new look. – In: Research Policy, 2005, № 34, pp. 641–656.

цу капитализма они так и не привели. Или же можно заметить, какое важное место в рассуждении Горца занимает то обстоятельство, что в современных условиях стоимость воспроизводства знания стремится к нулю. Нам представляется более убедительным подход другого критика когнитивного капитализма – Бернара Польрэ, который проводит различие между «данными» и «информацией»⁷. «Данные» на CD-диске действительно можно размножить практически бесплатно; но для того, чтобы они стали «информацией», понятой и осознанной индивидом, индивиду потребуются многие годы сложного обучения и инвестиций в свой «человеческий капитал». Очевидно, что капитализировать можно только те знания, которые из данных стали информацией, следовательно, для когнитивного капитализма важна именно стоимость воспроизводства информации, которая отнюдь не равна нулю.

Горц рисует радужные картины общества, основанного на кооперации и совместном неконкурентном труде людей. В то же время он акцентирует внимание на том, что такого рода объединения существуют и сейчас, но они весьма немногочисленны. Гуманистическая критика Горца весьма убедительна и прочувствованна; мало кто может не согласиться с тем, что «работники умственного труда... ощущают... понуждение к рыночному сбыту – как невыносимое ограничение своего потенциала». Вместе с тем, когда дело доходит до проекта «общества интеллекта», «в котором полное раскрытие способностей каждого является общей целью для всех», автор не предлагает нам ничего нового или хотя бы убедительного. «Объединенные в единую сеть производители-пользователи должны иметь возможность договориться между собой без посредства рынка» (с. 95), но как будут при этом разрешаться те многочисленные проблемы, которые сегодня разрешает рынок, ограничивая и принуждая индивидов, – не сообщается. Группы энтузиастов, экспериментирующих с альтернативными образами жизни, существовали всегда. Та несвобода, которая сопутствовала развитию человечества, приобрела сегодня новые, нематериальные формы. У нас нет недостатка в ее критиках, и их активно цитирует Горц; однако же в первую очередь читатель ждет от автора если не анализа того, почему другое общество *необходимо*, то хотя бы аргументов, почему другое общество *возможно*.

Безусловно, книга не сводится к одному лишь экономическому анализу, равно как и общество не сводится всего лишь к своей хозяйственной жизни. Требование введения всеобщего «пособия на существование», достаточного для нормальной жизни, позволяет перебросить мостик от деятельности, связанной с созданием обычного богатства, к производству

⁷ Польрэ Б. Двусмысленности когнитивного капитализма. – Логос, 2007, № 4 (61), с. 70–113.

подлинных, «не поддающихся измерению и обмену» богатств. Наличие гарантированного дохода должно «поддержать растущее и потенциально господствующее значение этой другой экономики» (с. 101) и обеспечить индивидам свободу заниматься добровольной деятельностью вне рынка и конкуренции. Признание того факта, что производительная деятельность теперь неотделима от непроизводительной и что даже индивиды, которые напрямую не участвуют в рыночной деятельности, все равно вносят свой вклад в создание общественного продукта (если его еще можно так называть), вполне соответствует тому месту, какое в современной экономической теории отводится социальному капиталу. Тем не менее эти важные моменты никак не могут быть полностью раскрыты в книге, во-первых, из-за пробелов в анализе производства материальных богатств (как, например, будет оплачиваться рутинный труд при существовании всеобщего пособия?) и, во-вторых, из-за некритического отношения автора к мотивам, которые будут двигать людьми в такого рода обществе. Поскольку в реальности эксперименты с введением такого пособия в той или иной форме действительно проводились, было бы тем более интересно увидеть в качестве доказательства жизнеспособности нового общества не абстрактные восхваления свободы, но конкретные сведения о подобной практике. К тому же результаты экспериментов свидетельствуют о том, что есть некоторые основания для оптимизма по отношению к данному проекту.

Противоречия в тумане

Когда Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» критикуют идеалистическую философию Штирнера, они высмеивают его «стадии развития» так: «Как настоящий немец, штирнеровский “муж” приходит ко всему очень поздно. На парижских бульварах и лондонском Риджент-стрит он мог бы увидеть сотни фланирующих “юношей”, франтов и денди, которые еще не обрели себя в качестве “духа во плоти” и тем не менее “довольны собой такими, какими они являются во плоти”, и полагают свой главный интерес в “удовлетворении целостного субъекта”»⁸. Философия Штирнера далека от реальности: большинство юношей совсем не стремятся обрести себя в качестве «духа во плоти». Правда, что подобной критике с позиции реальности может быть подвергнуто любое абстрактное построение, но если его несоответствие бросается в глаза и вызывает смех, есть повод задуматься.

Последний раздел книги Горца написан настолько сумбурно и фантастично, что его попросту сложно воспринимать всерьез. Горц описывает то общество, к которому мы придем, если подчинимся науке и фор-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: «Политиздат», 1955, с. 128.

мальному знанию: это общество киборгов, из которого удалено все человеческое, осмысленное, повседневное, интуитивное. «Качество любой культуры и цивилизации зависит от динамического равновесия, которое она способна создать между интуитивным жизненно-обиходным знанием и знанием формализуемым, научным» (с. 111). Современная наука разрушает это равновесие.

Трудно поверить, что главную опасность для современного общества представляют собой уничтожение тела и биотехнологии. Горц уходит от статистики, ограничиваясь цитатами из технократических гуру. Технологии должны избавить нас «от случайности фактов, составляющих наше существование» (с. 139).

В настоящий момент 900 миллионов человек голодают. В 1990–2000 годах в вооруженных столкновениях погибло более 2-х миллионов человек. На момент написания книги уже становился очевидным пузырь на ипотечном рынке в США. Какие из этих проблем вызваны ненавистью ученых к собственным телам? Действительно ли самой большой опасностью является генная инженерия?

Делёз писал: «Математика чужда злу, поскольку она устанавливает поверхности и успокаивает мир, мешанина которого в глубине представляет, по-видимому, опасность»⁹. И вот что важно: диалектическое чутье здесь изменяет Горцу. Он, кажется, не понимает, что сторонник свободного программного обеспечения и математик-технократ – это одно и то же лицо. В коммунизме знаний хозяевами всех возможностей будут люди, в кибернетической утопии возможности будут подчинены логике капитала. Но Горц не показывает, как *существование* математиков и специалистов по генной инженерии становится *условием* коммунизма знаний, как логика капитала может быть обращена вспять. В 24-й главе первого тома «Капитала» Маркс разворачивает логику того, как «централизация и обобществление труда... становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой»¹⁰. Ничего похожего у Горца нет: лишь намек на некие гомеотехнологии, которые «продвигаются исключительно по пути ненасилия» (с. 145).

И если бы противоречие между живым и формализованным знанием было единственным! Таких противоречий – неисчислимое множество, и сказать, какое из них «сыграет», непросто. Даже если Горц и прав, он не пытается предложить какой-то программы действий. Создать ее еще только предстоит. Пока же можно констатировать, что еще одна попытка представить проект коммунистического общества, основанного на знаниях, не слишком удалась.

⁹ Делёз Ж. Критика и клиника. СПб.: «Machina», 2002, с. 38.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: «Политиздат», 1960, с. 774.